

Агата Зборовска

(Agata Zborowska) — аспирантка Института польской культуры при Варшавском университете, автор статей в польских и международных научных журналах, таких, например, как *Critical Studies in Fashion and Beauty*, *International Journal of Fashion Studies* и *View, Theories and Practices of Visual Culture*.
zborowska.agata@gmail.com

Базары и находки: вещная культура в послевоенной Польше

Аннотация

После окончания Второй мировой войны уровень жизни в Польше в силу специфической политической и экономической ситуации был низким. Поляки столкнулись с дефицитом базовых товаров. Возможностей для заграничных поездок было немного, и иностранная гуманитарная помощь подогревала потребительские амбиции. В этой статье мы поговорим о том, как использовалась и насколько ценилась одежда в эпоху дефицита и как базар превратился в «инкубатор моды и элегантности». Изучая польские базары, я ориентируюсь на концепцию «вещной культуры», которую Элейн Фридгуд в монографии «Идеи в вещах» (*The Ideas in Things*, 2006) противопоставляет «товарной культуре». Опираясь на материалы, связанные с историей трех разных регионов послевоенной Польши, я постараюсь показать, как люди воспринимали «вещность» одежды в тяжелый для них период жесткой экономии. Даже в это время одежда была не просто товаром.

Ключевые слова: базары; одежда; «вещная культура»; послевоенный период; дефицит.

Статья впервые
опубликована
в журнале
*Fashion Theory: The Journal
of Dress, Body
& Culture* (2016.
Vol. 21.4)

Период окончания Второй мировой войны в странах Восточной Европы редко привлекает внимание исследователей материальной культуры. Дебаты о природе «вещей» обычно ведутся с оглядкой на эпохи, когда экономика стабильна, а общество процветает. Именно тогда мы становимся свидетелями захватывающего взаимодействия творческих усилий, новых форм производства и интенсивной культуры потребления (см., например: Brown 2003; Freedgood 2006). Ничего подобного мы не находим в послевоенной Польше. Централизованная плановая экономика, пришедшая на смену капитализму, должна была сдерживать перепроизводство, но вместо этого привела к дефициту (Kognai 1980). И между тем, как ни парадоксально, именно кризисная эпоха лучше выявляет значение вещей и помогает осознать их место в повседневной жизни.

По словам польского писателя Леопольда Тырманда, базар после войны стал настоящим «инкубатором моды и элегантности» (*wyłęgarnia mody i elegancji*). Я постараюсь показать, что хотя базары и были предназначены для обмена и покупки вещей, последние не воспринимались как «просто» товары. Скорее их можно рассматривать как репрезентацию феномена, который Элейн Фридгуд в книге «Идеи в вещах: ускользающие смыслы в викторианском романе» называет «вещной культурой», противопоставляя ее «культуре товарной». Хотя Фридгуд пишет о Викторианской эпохе, «вещная культура», по ее словам, и по сей день жива «в тех маргинальных или девальвированных культурных формах и практиках, благодаря которым вещи, на первый взгляд, обыденные или неважные внезапно обретают ценность и смысл» (Freedgood 2006: 8). «Находка» — еще одна важная категория, помогающая описать жизнь вещей после войны. Она отражает некоторые потенциальные возможности бытования материальной культуры. Вещи то и дело перемещаются — теряются и находятся кем-то другим на новом месте или пропадают навсегда. Более или менее свободно меняя владельцев, они пересекают социально-классовые границы. Феномен «находки» побуждает также задаться непростым вопросом о праве собственности. Одним из основных источников вещей в то время было мародерство. Даже если торговцы и покупатели сами ничего не воровали, большинство вещей на базарах так или иначе были когда-то украдены. Как пишет Дариуш Стола, мародерство не вызывало у населения сильного внутреннего сопротивления, поскольку оно не подразумевало человеческих взаимодействий и касалось лишь отношений между людьми и вещами (см.: Zaremba 2012: 293).

В послевоенной Польше доминировало два нарратива. Первый, оптимистичный, был проникнут эйфорией, последовавшей за освобождением. Второй, абсолютно противоположный, тесно ассоциировался с опытом военного времени, с ощущением хаоса, страха и незащищенности. Именно с этим нарративом связаны представления о послевоенном цивилизационном регрессе, о том, что потребности людей в то время ограничивались самыми необходимыми вещами. А между тем материалы моего исследования — публикации в газетах и журналах, мемуары и современная беллетристика — свидетельствуют о разнообразии человеческих желаний; мы видим, что приобретенные вещи и даже мечты о них явно доставляли людям удовольствие.

В статье речь пойдет о трех разных регионах Польши: Варшаве, Вроцлаве и Дарлово. Каждый из них по-своему демонстрирует интенсивность и сложность эмоционального взаимодействия с вещами в разных социально-экономических условиях и географических контекстах. Чтобы понять, что происходило в этих городах, нужно представлять себе геополитические последствия Второй мировой войны. Когда она закончилась, территория Польши претерпела радикальные изменения: коротко говоря, границы страны сдвинулись к западу. После Тегеранской конференции 1943 года и Ялтинской конференции 1945 года Польша потеряла свои восточные территории. Теперь ее граница проходила по так называемой линии Керзона, которая маркировала новую границу СССР. В качестве компенсации за «передачу» части своей территории Польша получила часть земель, ранее принадлежавших Германии; более 3 миллионов немецких граждан были вынуждены их покинуть. Правительство призывало поляков селиться на новых землях и «снова сделать их польскими». Польские поселенцы, однако, начали прибывать туда слишком рано, когда решение о передаче западных территорий Польше еще не было официально объявлено, а немцы не успевали уехать. Выселенные с новых польских территорий, они не хотели оставлять свое имущество и часто верили, что однажды вернуться домой.

Дарлово (нем. Рюгенвальде), небольшой город на западно-поморском побережье Балтики, был самым благополучным из трех упомянутых выше населенных пунктов. В отличие от Варшавы и Вроцлава, почти полностью разрушенных, Дарлово меньше пострадал во время войны. Впрочем, судя по мемуарам первого польского градоначальника Дарлово, в городе хватало других проблем (Dulewicz 1963: 456–524). После окончания войны в городе, разрушенном почти на 70%, жили вместе немцы, поляки и русские. Новые польские поселенцы вспоминали впоследствии, как страшно выглядели остовы домов

и деревья, похожие на обгоревшие скелеты (Pilak 1963: 84). Впрочем, многие из приезжавших на новые территории не собирались здесь селиться. Вроцлав и Варшава предоставляли множество возможностей для наживы, в том числе и на торговле ценными вещами. Из устных рассказов и мемуаров известно, что, невзирая на ужасающие разрушения, столица не испытывала недостатка в вещах для купли-продажи. На крупнейших варшавских рынках, часто импровизированных и нелегальных, можно было найти множество польских и заграничных товаров.

Режим послевоенной экономии в трех польских городах выглядел по-разному. Характер отношений с материальными объектами зависел от того, откуда и куда приезжали люди, от их мигрантского опыта, от ожиданий и представлений о будущей жизни на новом месте. Экономия может пониматься очень по-разному, даже когда мы говорим об одной стране и эпохе. Она имеет не только географическое, но и субъективное измерение. Экономия переживается индивидуально, лично, и часто определяется всем многообразием мельчайших деталей, обуславливающих отношения людей с вещами.

Следует отметить также, что, несмотря на многочисленные территориальные различия, реформы, которые проводило новое правительство, затрагивали страну в целом. Послевоенная экономика Польши находилась в плачевном состоянии. Инфраструктура (здания, машины и так далее) была разрушена; кроме того, страна остро нуждалась в квалифицированной рабочей силе. Объем промышленного производства в 1946 году составил 45% от объема 1937 года (Wilk 2011: 45). В этих сложных обстоятельствах правительство пропагандировало бережливость и трудовой энтузиазм. Особенно заметно это было в Варшаве: высшие должностные лица и средства массовой информации стимулировали и едва ли не заставляли население вкладываться в восстановление разрушенной столицы. Пафос тотальной экономии затронул и моду. В послевоенных газетах и журналах порицалась роскошь, пристрастие к золотым украшениям и мехам. Любая неумеренность, любое демонстративное потребление вызывали неодобрительную реакцию¹. **Продолжение и иллюстрации в печатной версии.**